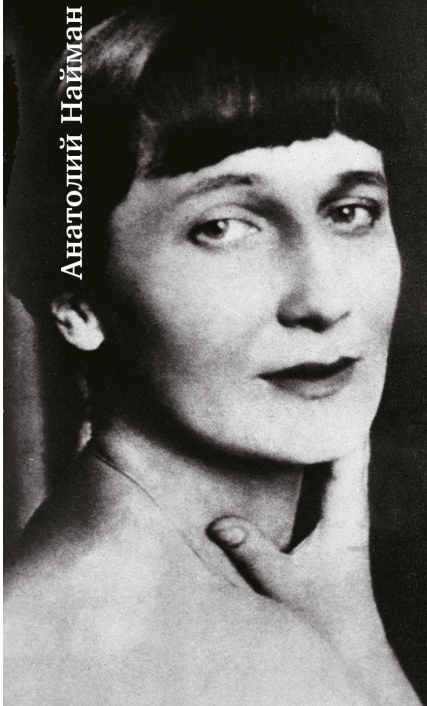

Анатолий Найман

Аксенов
Ахмадулина
Битов
Бобьшев
Волков
Горбовский
Городницкий
Дмитриев
Жуков
Ким
Крючков
Кублановский
Некрасов
Попов
Рецептер
Смехов
Хомич
Шварц
Юрский

Анна Ахматова

Когда мы вздумали
родиться

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ЛЮДЕЙ

Анатолий Генрихович Найман
Анна Ахматова. Когда
мы вздумали родиться
Серия «Эпоха великих людей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36974774

Анна Ахматова. Когда мы вздумали родиться / Анатолий Найман:

АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-517-110644-7

Аннотация

Эта книга о попытке случайно соединившихся людей, для которых культура была в той или другой степени необходимой координатой жизни, выразить ей, культуре, за это благодарность. Или по-другому – о попытке читателей стихов передать свою признательность поэту за испытанные от чтения чувства, за пережитый душою подъем. О том, насколько удачно, полно или, напротив, нескладно, схематично это осуществилось.

Содержание

Предисловие	4
2006	17
2007	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анатолий Найман

Когда мы вздумали родиться

Предисловие

Эта книга о попытке случайно соединившихся людей, для которых культура была в той или другой степени необходимой координатой жизни, выразить ей, культуре, за это благодарность. Или по-другому – о попытке читателей стихов передать свою признательность поэту за испытанные от чтения чувства, за пережитый душою подъем. О том, насколько удачно, полно или, напротив, нескладно, схематично это осуществилось. У меня был друг, прекрасный скрипач, он иногда звонил после концерта, я спрашивал: ну, как играли? Он отвечал: как умели, так играли. Вот об этом эта книга.

Ее название – неполная строчка из Первой элегии, открывающей цикл ахматовских «Северных элегий». В цикле шесть (седьмое стоит особняком) стихотворений. Их можно назвать историческими фрагментами большой истории – с той оговоркой, что в них биография человека, конкретно лирической героини, почти неотличимой от автора, не жертва катаклизмов социума и природы, но напротив, олицетво-

ряет противостояние, пусть на вид и смиренное, их силам. Пружиной событий и ведущей темой стихов выглядит она, биография, большая история превращается ею в сопутствующий антураж. «Северными» они названы не только традиционно, как, скажем, у поэтов, по-пушкински сознававших Россию северной страной, но и относительно знаменитых историй «полуденных»: эллинских и римских, античных. Элегическая повествовательная манера Ахматовой стилистически их напоминает. К ним примыкает несколько стихотворений, в частности написанный ближе к концу жизни сонет, имеющий прямое отношение к предмету этой книги.

Запад клеветал и сам же верил,
И роскошно предавал Восток,
Юг мне воздух очень скупю мерял,
Усмехаясь из-за бойких строк.
Но стоял как на коленях клевер,
Влажный ветер пел в жемчужный рог,
Так мой старый друг, мой верный Север
Утешал меня, как только мог.
В душной изнывала я истоме,
Задыхалась в смраде и крови,
Не могла я больше в этом доме...
Вот когда железная Суоми
Молвила: «Ты все узнаешь, кроме
Радости. А ничего, живи!»

Суоми – финское название Финляндии, включая ту ее

часть, которая после войны 1939 года отошла к СССР. Что поселок Комарово (прежнее название Келомякки), куда Ахматова с конца 1950-х выезжала на лето, расположен на этой земле, она никогда не забывала.

Подзаголовок Первой Северной элегии – «Предыстория». картина Петербурга и, шире, России 1880-х годов, сквозь которые проглядывает десятилетие 1870-х. Заключительное четверостишие стихотворения – «Так вот когда мы вздумали родиться / И, безошибочно отмерив время, / Чтоб ничего не пропустить из зрелищ / Невиданных, простились с небытьем». Ахматова родилась в 1889-м, упомянутые ею зрелища – Русско-японской войны, Первой мировой, Русской революции, войны Гражданской, десятилетий большевистского террора, ГУЛага, Второй мировой. Поистине невиданные. В этой исторической перспективе она и опознавала, осознавала себя. Участницей; жертвой; уцелевшей чудом избранницей; победительницей. Той, на которую «Запад клеветал», не вымышленный, газетно-пропагандистский, а эмигрантский, толком не знавший, что с ней происходит, которому она не могла ответить. Частным лицом. Исторической фигурой.

Но независимо от масштаба судьбы и калибра личности, все родившиеся на свет причастны быту и по-домашнему отмечаются в нем. Как, к примеру, растущие дети карандашной чертой на дверной притолоке. Или справляя раз в год именины, отмечая день рождения. При жизни Ахматовой я был гостем, наверно, на четырех днях ее рождения. Есть по-

казания, что на пяти, но убедительных доказательств присутствия на пятом привести не могу. Смутно мерещится, что в первый раз позвонил с поздравлением в самый день и она пригласила в ответ, но после этого приглашала загодя.

Об этом, как и многом другом, касающемся и характеризующем ее, написано в моей книге «Рассказы о Анне Ахматовой». Она была издана в конце 1980-х, с тех пор много раз переиздавалась. Когда я сажусь за какую-нибудь новую статью или эссе об Ахматовой, бывает, что та или другая фраза из «Рассказов» представляется мне достаточно толковой, чтобы перенести ее в новый текст как есть, не смущаясь тем, что она уже напечатана. Несколько таких коротеньких обрывков, вспомненных по теме и показавшихся мне удачными, я включил и в эту книгу.

День рождения растягивался на 23 и 24 июня. Она родилась 11-го по старому стилю, но в веке прошедшем, девятнадцатом, так что можно было прибавлять 12 дней, однако поскольку уже праздновала этот день и в новом, то допускалось автоматически и 13. К тому же числа старого стиля имели склонность устраивать и охотно устраивали путаницу с числами нового. 23-е по старому, праздник Владимирской иконы Божией Матери, установленный в память избавления Руси от нашествия ордынского хана Ахмата, ее легендарного предка, также отбрасывал свет на ее день рождения. Она находила повод в какую-то минуту застолья мимоходом напомнить об этом.

Хан Ахмат, однако, был скорее декоративным украшением, антуражем, придававшим ее образу и имени добавочную красочность, не лишнюю, но ничего не менявшую. Существенным же было ее утверждение, письменно и устно повторяемое, что она родилась в ночь на Ивана Купалу. Она давала понять, растворяя, правда, серьезность своих заявлений и намеков благодушно-иронической литературностью, что ею как бы вследствие самой даты рождения была усвоена магия, приписываемая этой ночи. То есть вся совокупность языческих верований и обрядов, поиски папоротника, цветущего огненным цветом, и с его помощью – кладов, прыганье через костры, скатывание с горы зажженного колеса, купание и т. д., – так же как и весь связанный с Купалой, скрывающимся в воде, в огне и в травах, подающим силу воды и теплоту солнца растениям, круг мифов, завершающийся шекспировским «Сном в летнюю ночь».

В стихах ее этот день упоминается не как праздник чудотворной иконы, или мученицы Агриппины, а как день Аграфены-купальщицы, канун Ивановой ночи. Притом опять-таки рядом с упоминанием о чтимом церковью пророке Давиде. Это усвоение, как стало принято говорить, народных традиций, сложившихся вокруг культа Ивана Купалы, а по сути языческой, то есть демонической, реальности его культа, сближаемое с церковным вероучением, было отнюдь не безобидным. Тем более что оно переплеталось проникновением или намерением проникнуть в области действий тех таин-

ственных сил, проявление которых описывают главным образом мифы, объединенные культурами луны и воды. «И вот я, лунатически ступая, вступила в жизнь». Эти полторы строчки из Второй элегии не поэтическая фигура – воспоминание ее близкой приятельницы В.С. Срезневской о «лунных ночах с тоненькой девочкой в белом платьице на крыше зеленого углового дома («Какой ужас! она лунатик!»)» не единственно. Столь же биографична и ее внутренняя связь со стихией воды: родившаяся у моря, жившая на море каждое лето, она, по ее словам, «подружилась с морем», «плавала, как щука», по оценке брата-моряка. И еще, ссылаясь на поэму «У самого моря» – «знали соседи – я чую воду, и если рыли новый колодец, звали меня, чтоб нашла я место». Отсюда в ее стихах – русалка, морская царевна и, наконец, китежанка. Из лунатизма – сомнамбула в «Прологе», одном из самых, как кажется, чернокнижных произведений Ахматовой.

Разумеется, не следует думать, что в реальность или атмосферу празднуемых ее дней рождения проникали подобные сведения и соображения. Если они приходили в голову, то *до* или *после*. Но во время беседы, предшествующей усаживанию за стол и самому застолью, как правило, малолюдному, непышному, негромкому, они подспудно усиливали впечатление необычности, даже некоей нездешности того существа, той старой женщины, той дамы, в сторону которой тянулась твоя рюмка с напитком и твой язык выговаривал: «За вас, Анна Андреевна».

С кем вместе я оказывался в том или другом году, сейчас помню определенно только два этих дня. В 1964-м с писателями Меттером и Кроном (если, гм-гм, не Штоком – вот тебе и *определенно!*) с женами, в Ленинграде, в квартире на Ленина. И в 1962-м – мы с Бродским приехали в Комарово, никого, кроме нас, не было. Ахматова записала в дневнике (прочел после смерти в опубликованном томе «Записных книжек»): «День рождения. Устала. Был Кома <В. В. Иванов> и <В. М.> Жирм<унский>. Вечером мальчики. Стихи Бродского – не альбомные». Мы опаздывали, приехали только к концу дня. Весь путь в электричке Иосиф писал стихотворение «А. А. А.» («Закричат и захлопочут петухи»). Я вез букет цветов, мог не беспокоиться. Строчку из стихотворения Иосифа, которую Ахматова выбрала на эпиграф к своей «Последней розе» – «Вы напишете о нас наискосок», – я всегда воспринимал, что напишете и «наспех» тоже. Строчки из его «Исаака и Авраама» о звуке ААА мы все тогда читали как имеющие в виду Ахматову. Две из них она переписала в дневник, чуть тронув и назвав их «Имя»: «По существу же, – это страшный крик, / младенческий, прискорбный и смертельный».

Признаться, в то время – а сейчас подавно – я предпочитал этим выписанным ею другие, оттуда же: «Но если сдвинуть, строить – ААА, / собрать бы воедино эти звуки, / которые нельзя сложить в слова...». Уже и в те дни, помимо слов и всего, что можно было выразить словами, было некое об-

щее звучание. Рассыпавшееся на звуки, чистые, пленительные. Сами по себе. В них была подлинность, высшая любых мыслей о ней. Мы жили своей жизнью, но частью ее была Ахматова, и эти звуки сделали для нас те несколько лет, риску сказать, чудесными – в самом непосредственном, как и в расхожем смысле этого слова. «Были... мальчики». Сейчас читается – как в «Живаго» «мальчики стреляют». «Вечером...» Но в середине лета, так что было еще светло.

Утром 5 марта 1966 года Ахматова умерла. В санатории, в Домодедове. 9-го ее тело было перенесено самолетом в Ленинград. 10-го похоронено в Комарове. И пошли годы. А точнее, века, как приговаривал после чьей-нибудь смерти один из самых близких мне людей. После кончины день памяти об умершем начинает энергично и заметно смещаться от даты рождения к дате смерти и вскоре переносится на нее. День рождения растворяется между воспоминаний об исчезнувшей жизни и теряется в них. Но образ ушедшего еще довольно отчетлив в сознании знавших его, смешивается с поглощающим его временем, влияет на старание времени разместить его в новом – посмертном – пейзаже. Пространстве. Координатах. Схоже с той минутой, когда я вошел в одиночную палату, где АА лежала на постели, укрытая простыней с головой. За несколько секунд до этого, не зная о случившемся, я открыл дверь санатория – накануне мы с ней условились закончить правку черновой рукописи, – и ожидавшая меня

в вестибюле врач стала объяснять что-то, что я понимал как слова, но не мог соединить их с реальностью. Я сдвинул простыню с лица, поцеловал лоб, он был еще теплый, она умерла меньше часа назад. Это тепло, уже слабое, одновременно и поставило психику на место (дав неоспариваемый сигнал: она мертва), и окутало мозг ощущением неоконченности происшедшего.

Так, в исподволь стирающихся следах ее недавнего присутствия и все более наглядных доказательствах невозвратимости, прошли несколько первых лет. Ежегодно 5 марта в какой-нибудь, а до меня доходило, что и не в одной, церкви служилась по ней панихида. По прошествии нескольких лет ее имя, произносимое на этих службах, стало открывать коротенький список: к приснопоминаемой Анне присоединился Николай (Гумилев), потом Николай другой (Пунин, ее последний муж), потом Лев (Гумилев, сын). Так она этот день освоила, в нем обосновалась.

Однажды осенью 2005-го в Комарово приехал Александр Жуков. Геофизик, ученый с именем, глава аналитической компании, занимающейся определением состава предполагаемых месторождений полезных ископаемых. Сочинявший, как нередко свойственно людям этой профессии, которые проводят изрядное время наедине с природой, песни бардовского направления. В Комарове он хотел положить цветы на могилу Ахматовой и взглянуть на предоставлявшуюся Литфондом в аренду дачку, в которой она в последние

годы проводила по несколько месяцев. Как правило, въезжала в конце весны и возвращалась в город в начале осени. Называла этот небольшой стандартный деревянный финский домик Будкой и говорила, что безымянный архитектор проявил немалую изобретательность, разместив на какой-никакой площади *одну* жилую комнату, все остальные квадратные метры отдав коридорам, неожиданным переходам, верандам, крылечкам.

Александр Жуков с бригадой плотников возле Будки

Подойдя к этому убогому строительному изыску, который

к тому времени, кстати сказать, как-то сумели поделить аж две писательские пары, Жуков увидел, что Будка нуждается в немедленном ремонте. Фундамент просел, стены подгнили и покосились, нижние ступени ушли в землю. Он мгновенно сориентировался, нашел бригаду плотников, за приличные деньги нанял.

Мы с ним были незнакомы, но в конце лета он разыскал мой телефон и спросил, не соглашусь ли я съездить на место – посмотреть, насколько оно соответствует тому, что было при жизни Ахматовой (главным образом – обоям, которых при ремонте вылезло по углам несколько слоев.) Оно соответствовало настолько, что если бы поставить в ту самую единственную комнату у окна ломберный столик XIX века, если не тот самый, за которым она писала и читала, то похожий; с фарфоровой чернильницей пушкинского времени; к нему дешевое старое (не старинное) кресло того сорта, который в быту называется «дачный»; невзрачный шкаф для одежды; топчан на трех деревянных ножках и одной набранной из кирпичей; у его изголовья полуказенную тумбочку; на нее ламповый приемничек «Рекорд»; повесить на стену книжную полку из двух неструганых досок; на другую очаровательного петуха, нарисованного Борисом Ардовым; в правый угол икону Казанской Божьей матери – что заняло бы максимум полдня, – то, затопив для вящей достоверности печку, можно было бы открывать ахматовский музей высшей степени аутентичности.

Писатель Валерий Попов, один из жильцов Будки в новое время, и Александр Жуков в только что отремонтированной комнате Ахматовой

Отдельно о печке. Одна из двух прикровенно (и мельком) упомянутых в предыдущем абзаце писательских жен, обитавших в доме, в разгар ремонта попросила бригадира эту печку разобрать. Он ответил: «Мадам, я делаю ремонт Анне Андреевне Ахматовой, а не вам». Тон того и другой был доброжелательный, не говоря уже, образцово-вежливый. Я свой замысел сделать в Будке напрашивающийся комаровский дом-музей тогда же в присутствии Жукова убедитель-

но, как мне казалось, донес до жильцов. Прибавил, что им вместо этой тесноты бесспорно предложат где-то поблизости лучшие условия проживания. Жильцы тому не подхватили, одна пара каменно промолчала, глава другой объяснил мне, дураку, что на данный момент они *уже* живут в Комарове, а что действительно тесно, то зато в помещении, известном на весь мир.

2006

В июне 2006-го мы приехали в Комарово в день ее рождения в первый раз. Василий Аксенов – мы с ним были к этому времени знакомы около 50 лет, близко дружили, Жуков попросил меня пригласить его, он приглашение принял с удовольствием. Юрий Кублановский, поэт. Павел Крючков, с младых ногтей занимавшийся звуко-записью – практически и ее историей. Александр Жуков и Игорь Хомич, виртуозный гитарист и замечательный музыкант, они привезли с собой кое-какую концертную аппаратуру. Жена Жукова, Вера Григорьевна, художница, бывший геолог. Слушателей пришло около полусотни. И, как ему и полагается, сразу начался дождь. От морозящего до убедительного, с темным небом, временами с молнией и громом.

Если бы моей задачей был не рассказ о днях рождения Ахматовой, как они проходили в этот и следующие девять лет, я бы описал это собрание, как наши, присутствующих, ухищрения противостоять стихиям и их безусловное торжество. Кто-то поднимался вместе с очередным выступавшим на дощатую эстрадку и, раскрыв зонт, держал его над ним и, насколько зонта оставалось, над собой. Кто-то, вроде меня, клялся, что ему эти падающие струи, не говоря уже капли, тьфу. Регулярно делались слабо юмористические попытки объяснить происходящее тем, что чествуемой бывшей хо-

зьянке этого места наше чествование не по вкусу. Протокол события выглядел примерно так.

– Сегодня день рождения Ахматовой, сорок лет как ее нет...

– А как же дождь? (Смех.)

– Во-первых, дождь сейчас пройдет. Во-вторых, меня он совершенно не смущает... Сорок лет порядочный срок, особенно когда посередине его происходит исторический слом...

– А давайте мы вам зонтик дадим?

– Нормально, я хорошо себя чувствую... Всякое общение с ней выдразнивало из собеседника лучшее, на что он был способен, держало в повышенной творческой и интеллектуальной готовности. Так называемые «великие» присутствовали в ее обиходе не как имена культуры, а как почти личные знакомцы. Как у Пастернака: «Пока я с Байроном курил, / Пока я пил с Эдгаром По». На этих высотах такие связи и такой стиль отношений не выдуманы. Ощущение присутствия в компании вне времени и места, общее для таких избранников, органично для больших поэтов. «С Гомером долго ты беседовал один», – обращается Пушкин к Гнедичу, делая этим обращением и Гомера современником. Собеседником, значит, современником. Если Фауст, Дон Жуан, леди Макбет – не персонажи книг, а участники современной московской, ленинградской, ташкентской жизни, то тем более Гете, Моцарт, Шекспир, которые вывели их на публику.

– Снова хлынул. Ну что, придется еще с вами постоять.

– Ее предшественники были символисты. Поэты на пьедестале – над публикой, глядящей снизу вверх. Статуи всегда и реально крупнее человеческого масштаба, и выглядят так. Поэты ахматовского поколения были частью публики, но публика, пораженная их инаковостью, наблюдала проступающую за этой инаковостью грандиозность.

– Да это пройдет, это грибной дождь. А папка у меня непромокаемая...

– Искусству необходима фигура, превосходящая общепринятые размеры. Она показывает неограниченность его, искусства, возможностей, выход за рамки. Фигура не местного значения, принятая большим или меньшим кругом поклонников, а общенациональная. В России так было со времен...

И т. д.

Мне надлежало произнести вступительное слово. Я начал с того, что казалось мне самым существенным: с неофициального характера нашего визита сюда, нашей встречи, того, что мы будем говорить, делать в знак признательности к отсутствующей хозяйке места. Как если бы мы воспользовались тем, что ее сейчас здесь нет и чувствуем себя между этих сосен свободно, но в то же время постоянно помним, что она может каждую минуту дать о себе знать, что где-то рядом бродит ее тень. Я коротко вспомнил о том, какой я ее представлял перед моим знакомством с ней, об отдаленно-

сти ее тогдашней от меня совсем молодого наподобие того, как, скажем, от нее молодой был отдален Фет. О своих первых впечатлениях. О ее одновременно полной отчужденности от происходившего здесь и сейчас, ее реально ощущаемого пребывания в неких отдаленных, возможно, нездешних сферах, а пожалуй, и участие в том, что там совершается, – и столь же полной вовлеченности в то, что творится в комнате, за окном, в стране и в мире. Принадлежности неизвестному мне инобытию – и напряженного проникновения в интересы друзей, в государственную политику, в действие тайных пружин, и ее сочувствие, и ее негодование, и презрение. О ее непрерывной готовности к творчеству, к неожиданному приходу новых строчек: в каком состоянии, по слову Элиота, и пристало постоянно находиться поэту – подобно пожарной машине, неподвижно стоящей у раскрытых ворот депо, но готовой сорваться с места по первому вызову. А когда строчек не было и она вела себя, как обычный человек, ее творческая антенна все равно оставалась как будто направленной на клубящиеся вокруг нее поэтические потоки, ища случая подключиться к ним. И опять-таки: одним стержнем, одним концом приемного устройства ее творческий аппарат был обращен к окружавшей ее реальности, другим – к областям, в которых сгущаются заряды поэзии. Я, как умел, обозначил ее место на поэтическом звездном небе. И под конец сказал, как она, живая, обеспечивала прочность пирамиды русской поэзии того времени.

Я представил всех приехавших, заметив, что кто-то из них раз или два встречал ее, а кто-то, может быть, видел во сне и пожелает рассказать: кто о чем захочет... Первый же сменивший меня на сцене, Юрий Кублановский, про сон и рассказал. «Я один из тех, кому посчастливилось видеть ее во сне. Этот сон был сном еще 70-х годов, но и до сих пор он для меня носит характер видения. Настолько он был осязатим, зрительен и точен, по-моему. Мне приснилась Анна Андреевна, сидящая в кресле, и я как бы утыкаюсь лицом ей в колени и говорю: «Анна Андреевна, как мне жалко, что в отличие от Анатолия и Иосифа, Димы, я не мог и не показал Вам своих стихотворений». На что она мне ответила: «Ничего, Юра, в то время в ваших стихах было слишком много отроческих пятен». На этом я проснулся. Я потом в Париже, в первую же нашу встречу с Бродским, разумеется, рассказал ему этот сон. Он подумал и сказал, что действительно похоже. Возможно, она и могла бы так сказать. Прошло действительно больше четверти века, а этот сон и сейчас со мною». После этого Кублановский прочел три своих стихотворения: «Судьба стиха миродержавная», «Портрет» и «Через двадцать пять лет в Прилуках» (о могиле поэта Батюшкова).

Следующим говорил Василий Аксенов. «Сейчас разразится, я думаю. *(Это он о грозе.)* У меня было совсем немного встреч с Анной Андреевной Ахматовой, все благодаря этому господину *(указывает на меня)*. По-моему, настоя-

щих – Толя, помоги – встреч, когда мы говорили с ней, было всего две. Потом я еще был на Ордынке, у Ардовых. Еще где-то, кажется, видел. Но, в общем, должен сказать, что те две встречи – они у меня остались в памяти. Я их с большим теплом таким вспоминаю. Хотя она выглядела очень величественно, такая кавалерствующая как бы дама. И кроме того, она была великая, я это все понимал. Но я этого совершенно вроде бы не ощущал. То, как мы общались, это было просто ощущение очень милого, теплого, чудесного человека. И первый раз мы встретились вот здесь. Просто здесь. Мы приехали с моим другом, кинорежиссером Володей Дьяченко из Эстонии. И искали Наймана. И что-то, по-моему, ты нам сказал, что вот сюда приезжайте. И мы тут кружили, кружили, почти как сегодня, так кружили, но еще дольше, гораздо дольше. И наконец мы уже в сумерках въехали в этот двор – вот оттуда, из этих ворот, и увидели нечто странное. В этом месте, где я сейчас стою, горел костер. И вокруг какие-то кружили молодые тени. И в частности, танцевала цыганка. Это была жена Алеши Баталова. Я так как-то растерялся, никто на нас не обращал внимания, не знал, куда дальше идти. И вдруг из этого дома на крыльцо вышел Толя и Анна Андреевна. И она спросила (мы еще там стояли): «Это кто там еще приехал?» А Толя говорит: «Это Василий Аксенов, писатель такой московский». И она сказала: «Пусть подойдет». *(Смеется.)* Я эту историю рассказывал всегда в классе у меня в Америке, и ребята колоссально заходились

от восторга, как мы тогда разговаривали.

Потом другой раз, она, видимо, тогда останавливалась на Стромынке, что ли, где-то в Сокольниках. (*Я: на Короленко, да, рядом со Стромынкой.*) Да-да. А я в это время задумал написать рассказ о Блоке. Я читал когда дневники Блока, то натолкнулся там на такой эпизод, что он сидит где-то в ресторане в «Поплавке». Сидит себе и ест, и никому не мешает. И вдруг к нему подсаживается пьяный полковник. Не помните эту историю, нет? Какой-то пьяный армейский полковник, и говорит: «Я вас узнал и хочу вам высказать свое полнейшее презрение. Кто вы такой вообще, чтобы нашу жизнь отравлять своими сомнениями, страхами? Никому вы тут не нужны...» В общем, вот такая история. И Блок это записал и в конце нервно так прибавил: «Ну что он от меня хотел? Все-таки полковников-то много, а я один». Такая там была мысль. И я тогда подумал, что, может быть, надо написать рассказ об этой встрече. А может быть, вообще что-то такое художественное беллетристическое написать об этом времени, о серебряном веке? Но я ничего, по сути дела, не знал. О бытовой стороне этого времени. И рассказал эту историю Толе, с полковником. Толя говорит: «А почему бы тебе не спросить Анну Андреевну? О ее встречах с Блоком? Вообще что она о Блоке расскажет».

Василий Павлович Аксенов

И мы с этой целью и устроили такой ужин. Мы сидели втроем, за столом. Пили перцовку. Сначала одну бутылку выпили, потом вторую, потом, кажется, третью выпили бутылку. Она изумительно себя вела в обществе, особенно с двумя вот такими молодцеватыми молодыми писателями. И она говорила, рассказывала какие-то вещи, которые, без-

условно, вошли бы в повествование мое, если бы оно состоялось когда-то. Я помню, например, как она рассказывала о какой-то литературной вечеринке, где они оба были. (По моему сейчас, грянет она самая – *все о грозе*.) Она говорила: «Все стали расходиться, дамы сели в прихожей в кресла какие-то, а джентльмены стали помогать им надевать калоши». (*Гром*.) «Они тогда, – она сказала, – очень хорошо умели это делать». И я сразу это вообразил, как она сидит такая, как у Альтмана, вот такая вот дама, а один какой-нибудь (Это хорошо. Это смешно, неправда ли? – *про грохот и ливень*. Я: Схожу за зонтиком.)... и кто-то из молодых тогдашних поэтов надевал на нее калоши. А Блок стоял за спиной и беспрерывно ей талдычил одно и то же. Что ему не нравятся стихи Николая Степановича. «Что ни говорите, а я должен признаться, что мне не нравятся стихи Николая Степановича», значит, ее мужа. «И так долго он говорил, что я в конце концов сказала: «Ну и ладно, вам до этого нет никакого дела». (Мне нормально, я хорошо себя чувствую – *про принесенный зонт*.)

Потом мы перешли к более каким-то интимным темам, и я спросил: «А у вас был роман с Блоком?» На что она усмехнулась и сказала: «Его мама, мама Блока, очень хотела, чтобы у нас был роман, но он так как-то и не состоялся». И масса всяких еще дополнительных деталей, которых никто бы из тогдашних людей, оставшихся от этого поколения, так бы не рассказал нам.

Мог ли я подумать, что через какое-то число лет буду преподавать Ахматову в американском университете? И еще на английском языке? И читать ее стихи в переводе на английский? Я тогда вообще занимался и думал – за какие-то страшные грехи приходится читать Гоголя по-английски, Достоевского по-английски, все на проклятом этом английском. А еще и Ахматову читать по-английски! Потом, когда уже остыл, разобрался со всем этим делом, я понял, что есть разные переводы. Например, «Поэма без героя», там по крайней мере четыре текста точно было, а может быть, и гораздо больше. И вот последние тексты в издательстве вышли, вот такой толщины, и там изумительный перевод «Поэмы без героя». Надо сказать, что вначале публика, которая собиралась в классе, – это были молодые американцы и не американцы, иностранцы. По крайней мере одна треть студентов из 35 человек – это были какие-то молодые люди с Ближнего Востока, Ирана, такого типа люди. Эфиопы почему-то были. Я задавал им в начале класса вопрос: «Каких русских писателей вы знаете?» И конечно, сразу, тут же появлялись люди, которые – далеко не все знали Толстого, кое-кто знал – все-таки поднимали руку, говорили: Толстой, Достоевский. Ну кто там еще? Толстой, Достоевский... (*Кто-то спрашивает: «Чехов?»*) Чехов – это уже очень сложно, никто не говорил – Чехов. Пушкина почти никто не знал. Но почему-то всегда в классе находились люди, которые еще до начала занятий знали Ахматову. Я спрашивал: «Почему?

Откуда ты знаешь, вы что, читали ее стихи?» «Нет, стихи не читали, но вот знаем, что такая была поэтесса». Однажды в университет приехала такая артистическая пара – Алла Демидова и Клер Блю, английская актриса. Очень талантливая, кстати говоря. И они читали стихи Ахматовой и Цветаевой. Алла читала с некоторым пафосом, а потом Клер Блю, как полагается, в академической манере, зачитывала перевод. И зал был полон, и, когда читала Алла Демидова, все молчали, потому что никто ни черта не понимал. Потом, когда читала Клер Блю, все почему-то хохотали. Они совершенно не понимали смысла стихов, и, в общем, я думаю, всегда... всякий раз вспоминал эту сцену и думал – ну, сейчас вообще что-то тут такое начнется, как я им буду говорить обо всем этом. Все-таки говорить об Ахматовой, вообще о Серебряном веке этой вот публике, значит, во-первых, пытаться разбить невежество, а во-вторых, пытаться разбить сложившиеся стереотипы американские и вообще западные по поводу русского искусства, русской литературы. Ну, все-таки начинался семестр, вот они выбирали темы курсовых работ, и всякий раз примерно одна треть класса начинала писать про Ахматову. Почему – непонятно. Я им говорил об этом, задавал вопросы. И мне не казалось, что они очень сильно врубались в то, что я читал. Они писали об Ахматовой так дерзко, решительно...

И почти во всех этих работах были страннейшие строчки: «Анна Ахматова по рождению принадлежала к высшей

царской аристократии». И я думал, почему у десяти студентов та же самая, одна и та же фраза? Какая там царская аристократия? Дочь морского инженера, она была, пожалуй... Я спрашивал у ребят: «Откуда вы взяли это?» «Из интернета». И тогда я понял, в чем дело. В интернетовских сводках было, что она жила в Царском Селе. И тогда я понял. Ну раз она жила в Царском Селе, значит, она принадлежала к царской аристократии. И вот так они писали, мне приходилось развешивать величие интернета. Один мальчик, кстати говоря, тоже ссылаясь на интернет, написал: «Советский Союз в 17-м веке был отсталой страной». Я говорю: «Где ты это взял?» «В интернете, там так написано!» Интересно, что все это носило такой довольно формальный характер, лишь бы получить кредиты, отметки, чтобы скинуть курс, да? Но всегда почти в классе находилось два или три человека, которые всерьез входили в весь этот текст. Понимали что-то, начинали как-то волноваться, переживать... И появлялись снова на этом курсе на следующий семестр. Там же каждый семестр бывают разные группы, разные люди вообще. И тогда уже они писали серьезные работы, скажем, о «Поэме без героя». Они, там, вникали вот в эту идею царевича, которая проходит через все творчество Ахматовой, начиная с этого... «У самого моря».

Эта тема царевича, проходящая через все творчество, и, в общем-то, проходящая через «Поэму без героя». Несуществующий, непришедший царевич. Или ушедший царевич.

Отсутствующий царевич. Они начинали писать про царевича, тема царевича, они начинали писать о Лотовой жене, они писали о страшных стихах периода блокады – Ахматовой. И вообще вдруг становились... А эти ребята, в общем, они были не продвинутые, а самые молодые такие. У них главный предмет был то computer studies, то electronic engineering и т. д., в общем, какие-то совершенно не филологические темы. Но я знаю, что по дороге некоторые из них именно под влиянием проникновения в ахматовский текст становились какими-то другими. Может быть, они оставались другими по профессии, но что-то в них сдвигалось, они начинали понимать российское искусство, Серебряный век и вспоминали... будут хотя бы вспоминать этот курс в течение своей жизни, а это уже что-то».

«...»

Как-то само собой вышло, что я оказался в роли ведущего. Я должен был наскоро оценивать чье-то выступление, когда оно кончалось, и предварять хоть несколькими словами следующее. Сохранилась – в обрывках – запись того, что звучало: в частности, и моих междометий. Я их сейчас еще немного пообщиплю и почти совсем уже бессвязными фрагментами здесь приведу, просто для передачи атмосферы.

Я считаю, что ненастье сделало нашу встречу более значительной, чем если бы на нее сияло курортное солнце. Не го-

вора о том, что как-то избавило нас от жары, это само собой разумеется. Мне очень нравится аккомпанемент грома, – как будто это он происходящему значительность придает. Может быть, мне одному наш сегодняшний вечер так нравится. Потому что ведь существует такая филологическая отрасль, как ахматоведение, она создает и собирает многодневные конференции. И я не исключаю такого поворота событий, что если бы выпустить сюда конференциалов, то и мы, и они бы совершенно увяли в одну минуту. А Василий Павлович рассказал, какая Ахматова была живая и одновременно как ее преподают.

А сейчас переходим к ее стихам. Насколько я знаю, Александр Петрович четыре песни написал на ее стихи, на одно Бродского и одно Мандельштама. Поехали.

Пение.

А еще удача этой встречи в том, что нас столько, сколько есть. А то представим себе, что нас, скажем, в пять раз больше, а представить это очень просто. И вытоптаный участок, и все такое... И уже как-то совершенно неважно, станет это повторяющимся каким-то событием, это 23 июня или нет. В моей памяти останутся, вот эта группа – две прелестные женщины, которые держат зонты над двумя такими лысыми мощными мужиками. И Игорь совершенно замечательно аккомпанировал, как-то он остался незамечен, а я думаю, что на обратном пути в Москву я как-нибудь подговорю, пусть и

мне тоже поаккомпанирует, неизвестно чему, но мы сообразим, потому что это совершенно замечательный артист. Ну вот. Не хотелось бы так, между прочим, на полуслове кончать, так что я два стихотворения (два!) прочту, и уже мы разойдемся. На память, я, конечно, не помню, потому что одно написал сто лет назад, другое двести. Одно написано незадолго до ее смерти, второе сразу после ее смерти. Из первого она взяла строчку на эпитафию, так же, как «Вы напишите о нас наискосок» к стихотворению, посвященному Бродскому. А из моего строчку «Ваша горькая божественная речь» для стихотворения, которое посвятила мне. То же проделала и с Бобышевым, посвятив ему «Пятую розу». (*Снова пошел дождь.*)

Игорь Хомич, Александр Жуков, Вера Жукова – под зонтом

Знаете, я год прожил в Англии, там специфическое отношение к дождю. Там, например, идет дождь, ну и некоторые люди, как мы с вами, берут зонтики, а другие – они как раз выходят в майках, даже если дождь со снегом. Там такая тоже вещь бывает. Они этим показывают, что все зависит только от установки, мол, «вам кажется, дождь со снегом, а мне кажется, что такой туман легкий». И идут в T-shirtax по ули-

це. Поэтому у меня совершенно другое воспитание.

Значит, стихотворения «Я прощаюсь с этим временем навек» и «Картина в раме». Это не выдуманная картина в раме, а отвечает той фотографии, о которой упомянул Жуков. Не той, где мы сидим на вон этой скамейке, а где стоим в подлесе перед Будкой по соседству со скамейкой. (*Читаю.*)

Теперь благодарю всех, с кем мы здесь сошлись, и особенно моих спутников по мягкому вагону поезда из Москвы и по сидячему обратно.

(Ответные спасибо.)

2007

День был ослепительный, чуть не до полночи солнце не гасло. Людей пришло в несколько раз больше – как мне показалось, независимо от погоды, а наслушавшись рассказов о прошлогоднем. Я, открывая собрание, повторил – для «новеньких» – как здесь поселилась Ахматова, как пришла в упадок Будка, как ее привел в приличный вид Жуков. И как он к этому дому и этому месту прикипел сердцем.

Дальше я должен был осведомить публику, какая ее ждет программа и почему. У меня в одной из тетрадок сохранился черновик этого выступления, плюс оно записывалось на пленку – я одно с другим соединил и сейчас переносу получившееся на бумагу. «В прошлом году мы сюда приезжали и просто что-то в день рождения Ахматовой о ней, о ее стихах, на нее ссылаясь, говорили. А в этом году Жуков удумал такую штуку – рассказываю, ни на нготь не отступая от правды... В этом году он, где-то такое зимой, сказал: «Я тут пересекся с некоторыми исполнителями авторской песни, рассказал им про нашу поездку, и они выразили желание тоже почтить Анну Андреевну в день рождения своим искусством. Так что хотелось бы в этом году устроить, чтобы они выступили с песней. В частности, Александр Городницкий и Юлий Ким». Мне это показалось с Ахматовой, безусловно, несочетаемым, я объяснил причины. Он сказал: «Я потому

и прошу вас подумать, как сделать, чтобы это сочеталось с Ахматовой». Я посмотрел на него неодобрительно и заносчиво, но стал думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.